

Марина Васильева

Микаэль Дессе

Ирина Костарева

Диана Лукина

Люба Макаревская

Оля Птицева

Екатерина Рубинская

Виктория Сальникова

Линда Сауле

Саша Степанова

ПОМУТНЕНИЕ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П55

Художник обложки — *Миша Никатин*
Оформление шмуцтитиулов — *Миша Никатин*

Помутнение / Ольга Птицева, Линда Сауле, Люба Макарев-
П55 ская и др. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.
ISBN 978-5-04-189255-5

В этом сборнике десять историй, исследующих прихотливые стороны нашего сознания. Через тонкие, глубоко психологичные тексты авторы умело разбирают различные ментальные расстройства и травмы.

Как достичь исцеления — убежать от себя или посмотреть в лицо своим призракам? На этот вопрос через свое творчество пытаются ответить Марина Васильева, Микаэль Дессе, Ирина Костарева, Диана Лукина, Люба Макаревская, Оля Птицева, Екатерина Рубинская, Виктория Сальникова, Линда Сауле, Саша Степанова.

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Сауле Л., текст, 2024
- © Макаревская Л., текст, 2024
- © Птицева О., текст, 2024
- © Сальникова В., текст, 2024
- © Степанова С., текст, 2024
- © Дессе М., текст, 2024
- © Рубинская Е., текст, 2024
- © Лукина Д., текст, 2024
- © Костарева И., текст, 2024
- © Васильева М., текст, 2024
- © Оформление.
- ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-189255-5

**ВИКТОРИЯ САЛЬНИКОВА
ОТБЕЛЬ**

Окна мастерской выходят на промзону. Я арендую ее на последнем этаже бывшего швейного цеха. Здесь такие высокие потолки, что комната не прогревается даже в жару. Стены впитали запах машинного масла и железа. От пыли свербит в носу. Жгу благовония, но сквозняк, гуляющий из помещения в помещение, уносит обжигающий носоглотку дым с собой.

Паркет, уложенный «елочкой», скрипит под моими пятьюдесятью килограммами. Сколько ни мой — с него не оттереть ни столетнюю грязь, ни масляную краску. Старые, почерневшие от копоти оконные рамы вздрагивают от порывов ветра.

Мне нравится это место.

Мы делим мастерскую с тремя художниками. В этом апреле они уехали в арт-резиденцию, и я теперь одна. Прихожу сюда рано утром и сажусь на табурет посреди комнаты. Вокруг меня пять мольбертов. Я нашла их на помойке или купила по дешевке через сайт объявлений. Высокие и низкие, распатанные и почти новые, измазанные краской и посеревшие от влажности — брала любые.

На пяти мольбертах пять чистых холстов, стороны каждого из них равны длине моей руки. Я смотрю на них — на каждый по очереди, но волшебства не случается. Белый — цвет начала, пустота, которую предлагается заполнить, приглашение к диалогу. В Азии белый — цвет смерти. Эта ассоциация мне ближе: я нахожусь в точке, которая никуда не ведет. Я увязла.

Два месяца назад мне предложили поучаствовать в выставке, посвященной памяти как явлению — воспоминаниям-артефактам, что объединяют людей. Заранее выплатили небольшой го-

Виктория Сальникова

норар, который я быстро потратила. Мне дали полную свободу, а я до сих пор не придумала, что с ней делать.

Перевожу взгляд с холстов на уличные тапочки: на подошвы налипли тополиные почки и оставили желтые смолянистые пятна на мысках. На голые ноги — на улице жара, несмотря на конец апреля, на левой коленке ссадина: неудачно покаталась на роликах. Смотрю на ладони — чистые, пахнут мылом, сразу видно, что писать не начинала.

Снова холсты.

Что объединяет меня с друзьями? Общие воспоминания: чем дольше срок дружбы, тем их больше. Первое опьянение, первая любовь, первое разочарование. Шутки, понятные только своим. Воспоминания о событиях, которых никогда не случилось, они лишь созданы воображением. Я не знала бабушку Дениса, художника, который снимает со мной мастерскую, но помнила ее — благодаря рассказам, картинам и фотографиям. В Геленджике тоже никогда не бывала, но Алиса оттуда родом, и я помню, как мы с ней ездили там на автобусе на море и, загадав желания, съедали счастливые билетки. Как яркие ложные воспоминания, думаю я, раскачиваясь на табурете.

А если говорить о людях — обо всех людях, живущих в одной местности. Могут ли у них быть ложные воспоминания? Может, именно они и делают общность общностью?

— А дальше-то что? — спрашиваю у себя.

— А дальше я буду качаться на табурете, пока не перевернусь, — отвечаю.

Поднимается ветер. От его порывов трещат рамы. В мастерской мигом становится еще холоднее. Я надеваю джинсовку и подхожу к окну. Небо цвета асфальта, и это полотно рассекает надвое цепочка серо-бурых зданий на горизонте — как шов. О стекло ударяются первые дождевые капли.

Справа взрывается молния, и на секунду меня ослепляет. Вслед за ней по небу раскатывается гром — один удар и несколько волн тише, как афтершоки.

Грохот.

Взрыв.

Темнота.

Из меня вышибает воздух. Голова кружится. Я стараюсь вдохнуть, но горло сдавило. Бежать, надо бежать — хоть куда. Спрятаться от грохота и взрывов. Пронзает стрела — от макушки до пяток. Боль распространяется по телу, как и гром, — один удар и несколько афтершоков.

Я прихожу в себя через три минуты. Вспотевшая, разгоряченная. Меня все еще трясет, но я могу заглотить воздух, вдохнуть, наполняя сначала живот, затем грудь, и медленно выдохнуть. Восстановить ритм, вернуться на табурет.

Смотрю на первый холст и закрашиваю его синей краской.

Я помню ту ночь: слякоть, осень, размытую в палисаднике землю. Стою в пижаме и резиновых сапогах на голую ногу. Топлю от скуки по скисшей грязи — незаметно, чтобы не отругали. Мама стоит рядом в махровом халате. Какого он цвета? Синего или розового.

Добавляю на холст пятно цвета фуксии и ярко-желтый, как цвет моих сапог, — всполох в синеватой темноте. Провожу светлую линию — подъезд оплели белой лентой, зацепили ее за лиственницу и кривую яблоню, что росли по обе стороны от подъездной дорожки. Рядом встали милиционеры, охраняли то ли дом, то ли людей — себя.

Очень холодно (это октябрь?), но ноги в сапогах вспотели. Не страшно. Дернула маму за руку: скоро? «Ждем, — отвечает. — Видишь, никто не приехал».

Держала за ухо плюшевого зайца. Взяла его с собой, потому что бежать из квартиры с пустыми карманами нельзя, нужно взять вещь в дорогу, чтобы вернуться. Где я об этом услышала? Наверное, в мультике или в спектакле по радио.

Папа на работе, он не знал, что нас выгнали из дома. Мама стояла рядом, обсуждала что-то с соседкой. Я слышала обрывки: «Вечер воскресенья... люди дома... много жертв». Посмотрела

Виктория Сальникова

на свои пижамные штаны — белые с розовыми кружками, ниже колен капли грязи. Я топала по скисшей земле, и она разлеталась в разные стороны.

«Мама, — дернула ее за рукав халата. — Ну, скоро?»

«Не канючь, саперы едут».

«А кто такие саперы?» — Мой вопрос остался без ответа.

Люди рядом говорили шепотом, не останавливались, будто взрыв прогремит, если они замолчат. Не жестикулировали, двигались только губы. И глаза — туда-сюда, искали саперов. Но саперы не ехали.

Мы были с мамой вдвоем: пили чай на крошечной кухне. Я сидела на кушетке, спиной к тумбе с маленьким телевизором с выпуклым экраном. Мама — напротив, смотрела новости через мое плечо. Звук заполнял пространство.

На холсте появляются окна, свет потух — только бело-синее сияние экрана телевизора. Оно словно прилипает к лицам людей у подъезда, очерчивает кончики их носов, скулы, лбы, костяшки сжатых на воротниках кофт и рубашек пальцев.

Плыву дальше — к подъезду, в подъезд. Черный дипломат с серебряным замком. Его нашла соседка с четвертого этажа. Поднималась в квартиру, он лежал на площадке между двумя лестничными маршами. Стены зеленые, грязные — в плевках, жирных черных точках от затушенных бычков, со жвачкой, следами ботинок. Соседка на цыпочках поднялась к нам на пятый и позвонила в дверь.

«Кто это в такое время?» — удивилась мама. Она вытерла мокрые руки (наливала воду в чайник и расплескала ее) о халат и пошла открывать. Пауза — смотрит в дверной глазок, затем тройной щелчок — открыла.

Голос мамы смешался с криками из рекламного ролика.

«Все самое лучшее, что может дать природа...»

«На площадке вон лежит, видишь?»

«Все ее богатство и силу...»

«Там внутри что-то тикает!»

«Вы найдете в батончике Mars!»

«Нет, не показалось!»

Мама крикнула мне, что отойдет на секунду. Скрипнули дверные петли. Я побежала босиком в коридор, посмотрела через узкую щель на маму и соседку, прислушалась. Они спустились к дипломату, сначала постояли на почтительном расстоянии, мама скрестила руки на груди, молчала. После паузы подошла ближе, на шагок.

«Может, не надо?» — Соседка прикоснулась к ее локтю, но мама ее не послушала. Потянулась к дипломату, та крикнула и потянула ее за руку назад. Сама наклонилась, будто захотела упасть вперед, прикрыть дипломат грудью, вдавить его в бетонную плиту, сцепляющую этажи.

Мама вырвала руку и села на корточки. Край халата коснулся пола, пыльного, мокрого и обтопанного. Она склонила голову — правым ухом к дипломату.

«Да, тикает, — сказала соседке, — и что теперь делать?»

Мама вернулась домой, отправила меня на кухню и позвонила по телефону в комнате. Телевизор кричал, звук проникал в уши, горло, нос — чувствовала себя простуженной. Прислушалась к разговору мамы, но ничего не слышала.

На холсте появляются десятки окон, в каждом по телевизору, свет от экрана брызжет во все стороны, подсвечивает небо, притворяется северным сиянием — отбелью. Одно из преданий гласит, что зелено-розовые переливы в полярном небе — мост, по которому на землю спускаются боги. Новому времени — новые божества, сеанс связи с сакральным запускается кнопкой пульта.

Память выбросила меня на улицу — в холод, слякоть, на раскисшую землю. Мы все еще ждали саперов, прошла вечность, а может, всего десять минут. Как же скучно...

Свист сирен тихий, но нас он оглушил. Машина с саперами появилась из-за угла: по черным деревьям, черным домам, черному небу прыгали сине-красные блики. Смотрела на них и ду-

Виктория Сальникова

мала о гирляндах: всего три месяца потерпеть, а там елка, подарки, Новый год.

«Приехали», — шепотом выдохнула толпа. У всех разом из легких вышел воздух — с длинным пш-ш-ш. Назло им глубоко вдохнула, ноздрями и ртом одновременно, но демарша не заметила даже мама. Она инстинктивно схватила меня за руку, словно это не саперы приехали, а милиция — за мной.

«Мам, ну скоро?» — Я не спрашивала, требовала.

«Пш-ш-ш», — ответила мама.

Саперы вышли из машины. Милиционеры, охраняющие ленту, пропустили их в подъезд. Те нагнулись, пролезли под этой белой нитью, словно перешли границу между мирами, — кланялись темноте дома, что выплеснулась на улицу. Саперы соскользнули внутрь.

Я никогда не видела, как работают саперы. По-прежнему не знаю, кто это такие и почему мы их ждем. Догадалась, что приехали за чемоданом, но чем он всех нас заинтересовал? Всмотриваюсь в окна, надеясь подглядеть через стекло. Ничего не видно. Встала на цыпочки, наклонила голову вправо и влево — слишком темно, далеко, не рассмотреть. И тут заметила, что в окнах на лестничной площадке мелькнули головы и плечи — первый этаж, второй, третий, стоп.

Четвертый этаж — площадка. Труба слева, справа окно и подоконник. Дипломат лежал возле трубы, вплотную к стене. Саперы — напротив, прислушивались.

Были ли с ними собаки? Или их берут только на наркотики? Добавляю на холст синей и красной краски, два силуэта в желтых квадратах окон, тень собаки — на всякий случай. Тень — знак присутствия и символ отсутствия, ничего не осталось, лишь силуэт на земле, столь условный, что, может, это и не собака вовсе.

Я снова там: толпа стояла, толпа ждала. Представляю взрыв, уже сегодняшняя я, та — слава ему — еще пока не съела яблока. Вижу, как вылетают стекла из окон, подъезд ухает и падает.

Не сразу весь, а как песок из ладошки, но в этих часах бетонная крошка.

Прошло время — час или сутки. Головы саперов замелькали в обратном направлении. Как две рыбины, они погрузились на дно, к нам. Вышли из подъезда, казались ватными, размякшими. В руках у одного дипломат. Синхронно махнули милиционеру, сели в машину с мигалками и уехали. Я попрощалась с бликами взглядом. Милиционер снял ленту, скрутил ее аккуратно, как портновский сантиметр — улиточкой, положил в карман. Махнули толпе, толпа ухнула и зашла в подъезд.

Мама взяла меня за руку, встала в конец вереницы — первого, второго, пятого, седьмого поглотил подъезд. Подползли к милиционеру, мама вскинула голову и молча посмотрела ему в глаза.

«Да часы обычные лежали, вот и тикали», — ответил он. Мама кивнула. У меня замерзли ноги.

Поднялись на пятый этаж, я посмотрела туда, где лежал дипломат. Так пусто, что все происходящее показалось выдумкой — сном в ночь, когда поднялась температура. Повращала глазами в поисках следа и, наконец, споткнулась о бычок. Это сапера, подумала я, и эта мысль успокоила: дипломат все-таки был, вот его отпечаток во времени.

Сразу из коридора, как только я стянула с голых ног сапоги, мама повела меня в детскую. «Утром в садик, — напомнила она. — Быстро спать!»

Ложусь на диван, простынь сбилась. Я выгнулась дугой, поправила ее под спиной. Мама взбила подушку, положила на меня тяжелое ватное одеяло, а сверху колючий плед в красную клетку.

«Мы живем на последнем этаже, — сказала я ей. — Если дом взорвут, то нас только чуть-чуть придавит, мы сможем выбраться, не переживай».

Я наконец узнала, кто такие саперы.

Мама чмокнула меня в лоб, пожелала спокойной ночи и вышла из комнаты. Щелкнул выключатель. Свет погас.

Виктория Сальникова

Гаснет он и в окне на холсте — прямоугольник залит краской, не черной, темно-синей, такой густой, что на ней появляется блик от окна мастерской.

Добавляю деталей, сглаживаю контрасты. Готово. Ставлю холст на пол у стены напротив, чтобы просох. Больше он меня не интересует.

Сажусь возле второго мольберта. Выглядываю за него в окно, дождь все идет: маслянистые капли падают на стекло и медленно скатываются, оставляя после себя серые борозды. Сколько пыли, думаю я, и окна не помыть: они приколочены к рамам длинными гвоздями.

В некоторые самодельные (не произноси это слово, не кликай беду) добавляют гвозди, битое стекло и металлические осколки, чтобы усилить, как пишут в газетах, «поражающий эффект». Или не кладут, но поражающий эффект все равно настаивает из прошлого.

Беру самую толстую кисть из стакана — плоская «щетина» с номером 24 на ручке — и провожу линию от края до края.

Несколько лет спустя мы жили все там же — на пятом этаже, под самой крышей. У меня родился брат, его кровать подставили к родительской. Я ревновала, по ночам мне снилось, как ухают здания, когда рассыпаются, тогда я вскакивала и диван начинал казаться чужим. В слезах бежала к родителям. Длинный коридор без окон — как полоса препятствий, поворот в еще более темную прихожую (до сих пор снится, что за входной дверью в ночи притаились чудовища), зигзагом в спальню родителей, большим полукругом мимо кровати брата — и вот мама спит, можно залезть к ней под одеяло и притаиться.

За окном только начался сентябрь, теплый и ветреный, мне девять, завтра в школу. Я сидела на ковре перед телевизором, по нему крутили рекламу, ток-шоу, снова рекламу. «Иди есть!» — крикнула мама из кухни. Ужинали мы в восемь, когда папа приходил с работы.

Кухня за годы не расширилась, наоборот, стала меньше — я-то выросла. Возле стола стоял детский стульчик брата, но тот уже спал. Папа сидел за столом, затылком к тумбе с телевизором. Я села напротив, втиснулась между подоконником и раковиной. Мама стояла у плиты, я задела ее локтем, она меня бедром.

Телевизор работал на полную громкость.

Выключался ли он когда-нибудь? Я кидаю на холст фигуры — сцены из популярной рекламы, образы, позаимствованные сразу из всех роликов, которые смогла запомнить. Жаль, нельзя добавить звука.

Мы ужинали супом — куриной лапшой. Когда мама ее готовила, то всегда обжаривала вермишель на сковородке. Мне нравилось, когда та была почти черная, я вылавливала ее в тарелке и съедала первой.

По телевизору начались новости. Мама стояла за моей спиной, вытирала руки полотенцем — и замерла.

«Ты слышал?» — спросила она у папы. «А?» — ответил он, повернул голову к телевизору (шея хрустнула), стукнулся головой о соковыжималку и чуть не уронил ее на пол.

«Ты слышал? — повторила мама. — Дом взорвали». «Зачем?» — ответил папа. «Ты дурак?» — сказала мама и кинула в него полотенце. Оно пролетело через мое плечо, я наблюдала за ним как за космической ракетой, пущенной с «Байконура». Отодвинула от себя тарелку с супом — на дне остались две столовые ложки непрожаренной вермишели и два кругляшка морковки.

«Мам, сделаешь чай?» — попросила, но она не услышала. Молча пошла в прихожую, где на приставном столике возле книжных шкафов стоял телефон, и позвонила бабушке.

Бордовый телефон с черными кнопками, с закрученным проводом — рисую его. Меняю тем самым реальность: в те годы у нас стоял радиотелефон, но трубку всегда забывали поставить на подзарядку, она садилась и заваливалась куда-нибудь между диванными подушками.

Виктория Сальникова

Папа смотрел новости. Не заходила в комнату, прижималась к стеночке возле двери, чтобы слышать, но не быть обнаруженной. Мама сказала тихо: «Сто человек, какой кошмар». «Это на юго-востоке!» — крикнул из кухни папа, будто он в телефонном разговоре третьих.

Мне надоело, я зашла в комнату, чтобы привлечь внимание мамы. Она обернулась, но посмотрела сквозь меня. Я стала стеклом, через которое она увидела подъезды, упавшие с уханьем.

«Мама, включи мультики!» — потребовала я. Она убрала трубку ото рта, прикрыла ее ладонью и прошипела: «Мультиков больше не будет».

Школа, новости, школа, новости, толпа говорила шепотом, я все же смотрела мультики. Вторая часть сентября была холодной. Зарядили дожди, они прибили бурые листья к асфальту. Побежали с мамой в школу под зонтиком, обратно домой я вернулась одна и в капюшоне, натянутом до носа. Но воды с неба лилось так много, что за пятнадцать минут на улице штаны промокли до трусов. Вот бы заболеть.

Дверь открыл дедушка, они с бабушкой сидели с нами по-сменно. Я стянула с плеча ранец и бросила его в угол в коридоре. Скинула сапоги, разбрызгав грязную воду. Пошла на кухню, дедушка нажарил котлеты с картошкой. Фарш сладковат, картошка с золотой корочкой. Брат, врезаясь в углы, катался по квартире в ходунках.

После обеда делала уроки, смотрела телевизор, ждала родителей. Мама пришла в шесть, отпустила домой дедушку и пошла готовить ужин. Сегодня папа тоже пришел рано. О чем-то говорили, что-то делали. Память выбросила меня в гостиную: папа читал книгу на диване, брат сидел в манеже, мама мыла посуду на кухне. За низким столиком я собирала конструктор из крупных деталей. Напротив телевизор — музыкальный канал.

«Представляешь!» — крикнула мама и влетела в комнату. Она схватила пульт и переключила на новости. «Что случилось?» —

Папа поднял взгляд сначала на маму, затем на экран. Я вместе с ним. Случайно уронила со стола дом, который собрала из конструктора, он разлетелся на детали — их показали по телевизору.

«Мама, что это?» — «Тс-с-с».

Родители не говорили. Мама поднесла ладони ко рту, папа оперся локтями о колени. Я начала плакать, они не слышали.

«Надо уезжать», — сказала мама. «В Подмосковье», — подтвердил папа. «А как же мои друзья?» — всхлипнула я.

«Найдешь новых».

Рассыпаю на полотне кубики конструктора, прикручиваю к ним окна, колонны, на которых держатся подъездные козырьки, красные ленты, милицейские сирены. Отношу холст к стене. Третий холст — пишу на нем красными буквами «Конец войны», жду, когда подсохнет, чтобы покрыть надпись тонким — полупрозрачным — слоем краски.

Мы жили в Подмосковье. Новых друзей я так и не нашла. У брата пока еще короткие ноги, но спал он в такой же длинной кровати, как и я, — напротив.

За окном все та же осень, утром еще светло, хотя свет приглушен. Мама зашла в комнату: «Просыпайтесь». — «Нет, дай еще поспать». — «Никаких спать!» Она включила телевизор, канал, по которому по утрам показывали мультики. Но сегодня вместо них новости. Мама замерла с пультом, брат захныкал, а я накрылась с головой одеялом.

И снова на холсте мерцание экрана, темные силуэты. Телевизор стал проводником — устройством, множащим ужас, его изобрел безумный шляпник.

Следующий кадр — кухня. В тот месяц я ела только быстросрастворимую овсянку с растертыми в порошок ягодами. Врач говорил, что у меня развилось расстройство пищевого поведения. Отрицала, ведь у меня все хорошо, а каша просто невкусная.

Виктория Сальникова

Мама положила в глубокую белую миску три ложки каши, она чуть заветрилась. Брат ковырял яичницу и запивал сладким чаем. Мама включила телевизор и здесь — папа его повесил у самого потолка над дверью. Мы его всегда смотрели задрав головы, до боли в шее. Вслед за ней подняла взгляд к экрану, а там башни ухнули.

Застывшее в янтаре мгновение.

Смотрела на кухню и на себя, паря у потолка.

Застывшая в мгновении я.

Мир вокруг начал жить в ускоренном ритме: брат доел яичницу, мама схватила его за руку и повела умываться. Папа выпил чай. Брат оделся. Мама оделась. Брат взял рюкзачок, идет в коридор.

А я все так же сидела с ложкой, полной каши, — в пижаме, с босыми ногами, спутавшимися после сна волосами на затылке. Уханье повторялось

повторялось

повторялось

повторялось

у меня в ушах, отдавало дрожью, воздуха все меньше, он выходил из легких, как через крошечную дырочку в воздушном шаре. Голова закружилась, и меня вырвало на пол желчью и кашей. Мама прибежала из коридора, попыталась напоить водой, что-то говорила, я видела, как у нее открывался и закрывался рот, но не слышала ни звука. Она на берегу, а я пошла ко дну.

Беру передышку, шлепаю ладонями по карманам джинсов в поисках пачки сигарет. Вспоминаю, что бросила курить два года назад, но привычка осталась. Отхожу от холста, руки запачканы масляной краской, беру тряпку — коричневую, всю в цветных пятнах — и обтираю ею пальцы. Иной день писать — как уголь добывать, физически выматывает.

Достаю из кармана мятную жвачку и кладу в рот сразу четыре подушечки, имитатор сигареты — очередная попытка обма-

нуть мозг. Я встаю у окна: вечереет, дождь не заканчивается. Он прибывает к земле пыль, в ямах на асфальте под окнами образуются черные лужи. Кажется, что в этом лабиринте из промышленных зданий я одна. Ни белого света в окнах, ни людей, бегущих к метро, даже местных собак, с промокшей шерстью и несчастными мордами, и то не видно.

Можно идти домой, я сделала больше, чем обычно требую от себя. Включаю в мастерской свет: вспыхивают длинные белые лампы у потолка, в плафонах виднеются черные точки — мотыльки, превратившиеся в мумии.

Сажусь к четвертому холсту. Осталось всего ничего — и можно забыть о проекте навсегда, поехать к морю, снять домик в частном секторе у бабульки, сидеть на участке под навесом, оплетенным диким виноградом, и смотреть на узор из солнечных пятен под голыми ступнями. Дышать морем, водорослями, солнцем и трупами медуз. Забыть и не пытаться вспомнить. Еще одно ложное воспоминание, но о будущем.

Учусь в институте: первый курс — прилежно, второй курс — более-менее, третий курс — «нет, мам, сегодня лекций нет». Знакомые художники попросили попозировать в мастерской, согласилась. Сидеть несколько часов без движения тяжело, но в двадцать лет художники кажутся небожителями. Это потом, лет через десять, магия рассеется: одни сопьются, другие обзаведутся зародышем пуза, их волосы поредеют, но с годами они не смиряются. Есть третьи: они никогда не съедут от родителей и будут кланчить деньги на проезд и на булочку в столовой, четвертых подберут женщины, которым требуется крест на плечах, Питеры Пены будут вечно кормить их словами о скорой славе. Успеха достигнут единицы.

Но тогда мне было двадцать, и я ехала на «Юго-Западную» позировать в простыне — изображать из себя гречанку, родившуюся из головы Зевса. Я опять прогуливаю, стыдно ровно настолько, чтобы выступил румянец, но сессия нескоро — живем.

Виктория Сальникова

Бегу по перрону, из-за мыслей, что меня все-таки могут выгнать из института, переставляю ноги еще быстрее. Но я наконец нашла новых друзей, и хочется вдыхать каждый день, наполняя им легкие до христа в ребрах.

«Осторожно, двери закрываются» — успеваю запрыгнуть в вагон, край куртки защемило дверьми, я дергаю, они открываются, дергаю еще — на свободе. Вагон набит людьми. Весна, холод, толстые куртки. Толпа молчит, берет меня в кольцо и сдавливает те самые легкие, в которых плещутся сто восемьдесят два с половиной дня моего двадцатилетия.

Рука мужчины рядом на поручне, его подмышка воняет потом через шесть слоев синтепона, я отворачиваюсь — в сторону женщины, одетой в сладкие духи. Еле сдерживаю рвотные позывы, хорошо, что не успела позавтракать.

Мы едем, тела трясутся в такт движению. Раз станция, два станция, три. Высвободив руку, я воткнула в уши наушники и включила плеер. Грустные песни, затем мрачные, потом громкие, снова грустные. И ведь не переключить: на четвертой станции в вагон утрамбовалась еще одна порция килек и я не могу пошевелиться. Они держат меня плечами: достают ли ноги до пола или я парю в невесомости?

В кармане завибрировал телефон, но руки уплыли за спину, его не достать. Воздуха все меньше, не только в легких, но и в вагоне. Человек на шестьдесят процентов состоит из аш два о, я погружаюсь на дно, задыхаюсь, как в детстве, когда тонула и видела лучи солнца сквозь мутную толщу воды. Сейчас передо мной желтая лампочка, коричневый свет и серые лица.

Звонит телефон. Начинаю злиться: кто такой настырный? Надеюсь, это не староста, любимица деканата, с выговором и угрозами. Вновь чувствую, как к лицу хлынула кровь и румянцем загорелись щеки.

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция “Юго-Западная”». Встаю боком, плыву против течения, извиняюсь за от-